ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 20.02.2024 | Николай Капитоненко

Дорогой ценой

Российско-украинская война стала кризисом международной безопасности и битвой за выживание для Украины. Можно ли было ее избежать?

Есть в истории войны, которые продолжают интриговать исследователей двумя вопросами: в чем были их причины, и можно ли было их избежать. Вполне возможно, что к классическим примерам вроде Пелопоннесской или Первой мировой войн добавится, по крайней мере в европейском контексте, и война российско-украинская.

Как и многочисленные другие войны прошлого, эта война стала результатом стечения обстоятельств и причин на разных уровнях: от кризиса всей структуры международного порядка до особенностей восприятия окружающего мира российским руководством. Некоторые из этих обстоятельств могли быть другими, но совокупность трендов изменить было уже невозможно. Случайности, закономерности, стратегические ловушки и реализующие сами себя пророчества – все это соединилось и взорвалось кризисом международной безопасности для мира и войной за выживание для Украины.

Гуго Гроций, один из основоположников современного международного права, в свое время считал войны бессмысленными. Понимая, что они являются следствием несовместимости государственных интересов, а следовательно, естественными, Гроций рассматривал их преимущественно как ошибочный и неэффективный инструмент политики государств. По его мнению, противоречия и конфликты всегда лучше решать как-то иначе, чем через войны: с помощью третейского суда, посредничества или даже жребия или символического поединка. Результат будет примерно таким же, но цена – несравненно ниже.

Многие люди, менее известные, чем Гуго Гроций, придерживались похожих взглядов на войну. Накануне почти каждой большой войны были мыслители, которые убедительно доказывали ее бессмысленность. Цена войны растет в исторической перспективе, а

изобретение ядерного оружия сделало этот процесс скачкообразным. Мир интегрируется и становится взаимозависимым – зачем в нем война?

Но, несмотря на нерациональность и порой очевидную бессмысленность, войны случаются. А потому существуют и другие взгляды, чем у Гроция. Реализм, например, советует государствам ориентироваться на соотношение сил и оценку реалий международной безопасности, а не руководствоваться исключительно собственными желаниями или идеалистическими представлениями. Государства могут делать лишь то, что позволяет им существующий баланс сил; и неправильные расчеты могут стоить слишком дорого тем из них, кто воспринимает принцип равенства государств слишком серьезно. Не случайно сторонники именно этого подхода обращали так много внимания на ошибочный подход Запада к тому, что изначально называлось «украинским кризисом». С их точки зрения, обещаниями об открытых дверях в НАТО Запад давал Украине слишком много необоснованных надежд, что отрывало ее внешнюю политику от более печальных реалий и, в конце концов, создало слишком много рисков для Киева; а игнорирование интересов России привело к нарушению силового равновесия и оставило Украину один на один с прямым вызовом ее существованию.

Обещаниями об открытых дверях в НАТО Запад давал Украине слишком много необоснованных надежд, что отрывало ее внешнюю политику от более печальных реалий

Для реалистов приоритетная цель государства – заботиться о собственной безопасности и, среди прочего, избегать войн, а особенно тех, где шансы на победу низкие, даже ценой уступок. Война в рамках такого мировоззрения выглядит как инструмент, использование которого является вопросом соотношения рисков и возможностей. Как раз правильное управление такими рисками формирует основу для международной безопасности и может уменьшить количество войн, навязывая государствам – прежде всего крупным, потому что они являются наиболее агрессивными – слишком высокую цену.

Для Путина цена его вторжения в Украину слишком высокой не казалась

Вполне вероятно, что для Путина цена его вторжения в Украину слишком высокой не казалась – и в этом заключается первый урок двух прошедших лет. Москва сделала выводы из лета 2014 года, когда под давлением

санкционных угроз вынуждена была снизить ставки и отступить. В течение восьми лет продолжалась работа по укреплению устойчивости России к экономическим санкциям Запада, и успех такой работы значительно усилил готовность Кремля идти на риск.

Второй урок, который могли вынести россияне, заключался в неготовности Запада платить слишком дорого за украинскую безопасность. Восемь лет между 2014 и 2022 не приблизили Украину к действительно союзническим отношениям с Западом. Членство в НАТО было темой для предвыборных лозунгов и дипломатической риторики, а не реальной перспективой.

Поставка оружия, инициированная президентом Трампом, была скорее символическим шагом, призванным стать заменой реальным гарантиям безопасности. США решали «дилемму патрона» в пользу более простой поддержки деньгами вместо того, чтобы всерьез рассматривать опцию гарантий безопасности. Украина продолжала находиться в «серой зоне» безопасности и потому оставалась достаточно удобной и слабой соперницей России.

Третий урок для россиян мог заключаться в том, что их большая стратегия ослабления Украины казалась в целом правильной. Эта стратегия была сформулирована, как только реалисты в Кремле осознали, что возврата к пророссийской Украине в обозримой перспективе не будет – а значит, Украину надо воспринимать как угрозу и пытаться максимально подорвать ее оборонный, экономический и социальный потенциал. Кульминацией таких попыток и стало вторжение.

Здесь можно проводить много исторических параллелей, от Спарты с Афинами до Второго рейха с Францией; но как только возникают отношения такого типа, логика дилеммы безопасности значительно увеличивает вероятность войны. Характер отношений между Россией и Украиной, отсутствие у Киева союзников, а также неспособность Запада навязать России высокую цену за войну определили условия, в которых решение о вторжении принималось в Кремле.

Сторонники взглядов Гроция, вероятно, указали бы на то, что даже при таких условиях войны все еще можно было избежать, прибегнув к переговорам. Основой для них, очевидно, должны были бы стать Минские соглашения в той или иной интерпретации. Лучшая для

Украины интерпретация этих соглашений привела бы к восстановлению формального контроля над оккупированными территориями на Востоке при условности контроля фактического, сохранению рычагов вмешательства России в украинские политические процессы и вынесению «крымского вопроса» за скобки со всеми бонусами, которые вытекали бы из этого для России. Теоретически переговоры могли бы стать альтернативой войне; но на практике на пути стояли серьезные препятствия. За почти восемь лет различных переговоров стороны не смогли достичь даже того уровня доверия, который позволил бы установить режим прекращения огня. Стратегически ни одна из сторон не могла рассматривать компромисс Минска как окончательный. Аннексия Крыма Россией создала долгосрочные разрушительные последствия не только для двусторонних отношений, но и для их безопасности и политической среды. Начиная с 2014 года, ни на одной из платформ и ни на одном из треков не существовало окна возможных договоренностей между сторонами.

ЕС не выдержал испытания российско-украинским конфликтом и вследствие этого сейчас стоит перед гораздо более серьезными проблемами безопасности

Международные партнеры и здесь не смогли сыграть эффективно. Посредничество Германии и Франции в Нормандском формате не стало полезным в силу различных причин. Доверия к их усилиям не хватало; и это было слабое посредничество – в том смысле, что не подкрепленное силовыми ресурсами и рычагами влияния. В целом ЕС не выдержал испытания российско-украинским конфликтом и вследствие этого сейчас стоит перед гораздо более серьезными проблемами безопасности. Содержательные переговоры, которые могли бы стать альтернативой войне в этой ситуации, требовали сочетания многочисленных факторов, каждый из которых был довольно маловероятным.

Война является рискованной лотереей для всех. Путин рисковал, увеличивая ставки и, тем более, принимая решение о вторжении. Рисковал и Зеленский, отвергая давление, угрозы и требования Кремля – то ли недооценивая готовность России воевать, то ли переоценивая готовность партнеров помогать Украине неограниченно долго, то ли будучи уверенным, что уступки являются рецептом поражения, а шансы на успех в войне достаточно высоки. Кто сколько проиграл в этой лотерее, покажет время.

Эта война стала в конце концов сочетанием трех ключевых факторов: стратегического тупика для России, возникшего в результате аннексии Крыма в 2014 году; неуверенности Путина относительно того, на кого работает время; и пребывания Украины в «серой зоне» без союзников и гарантий безопасности. Избежать ее можно было бы либо путем быстрых и надежных, настоящих гарантий безопасности для Украины, которые могли быть предоставлены только США; или ценой настолько масштабных уступок России со стороны Украины, что это поставило бы под угрозу ее государственность. Эта цена была безгранично высокой для Киева; к тому же, вероятно, Москва готова была ее принять только до определенного момента. Начиная с середины 2021 года уже было поздно.

Николай Капитоненко
Киев

Кандидат политических наук Николай Капитоненко (Nickolay Kapitonenko) - доцент Института международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, директор Центра исследований международных отношений. Член Общественного совета при Комитете по международным отношениям Верховной рады Украины. Редактор журнала *UA: Ukraine Analytica*, автор более 70 научных статей. Основная сфера интересов – международные конфликты и внешняя политика Украины.